

ЖРОКО ДИЛ

№ 36

ДЕКАБРЬ
МОСКВА

1936

к 556
15

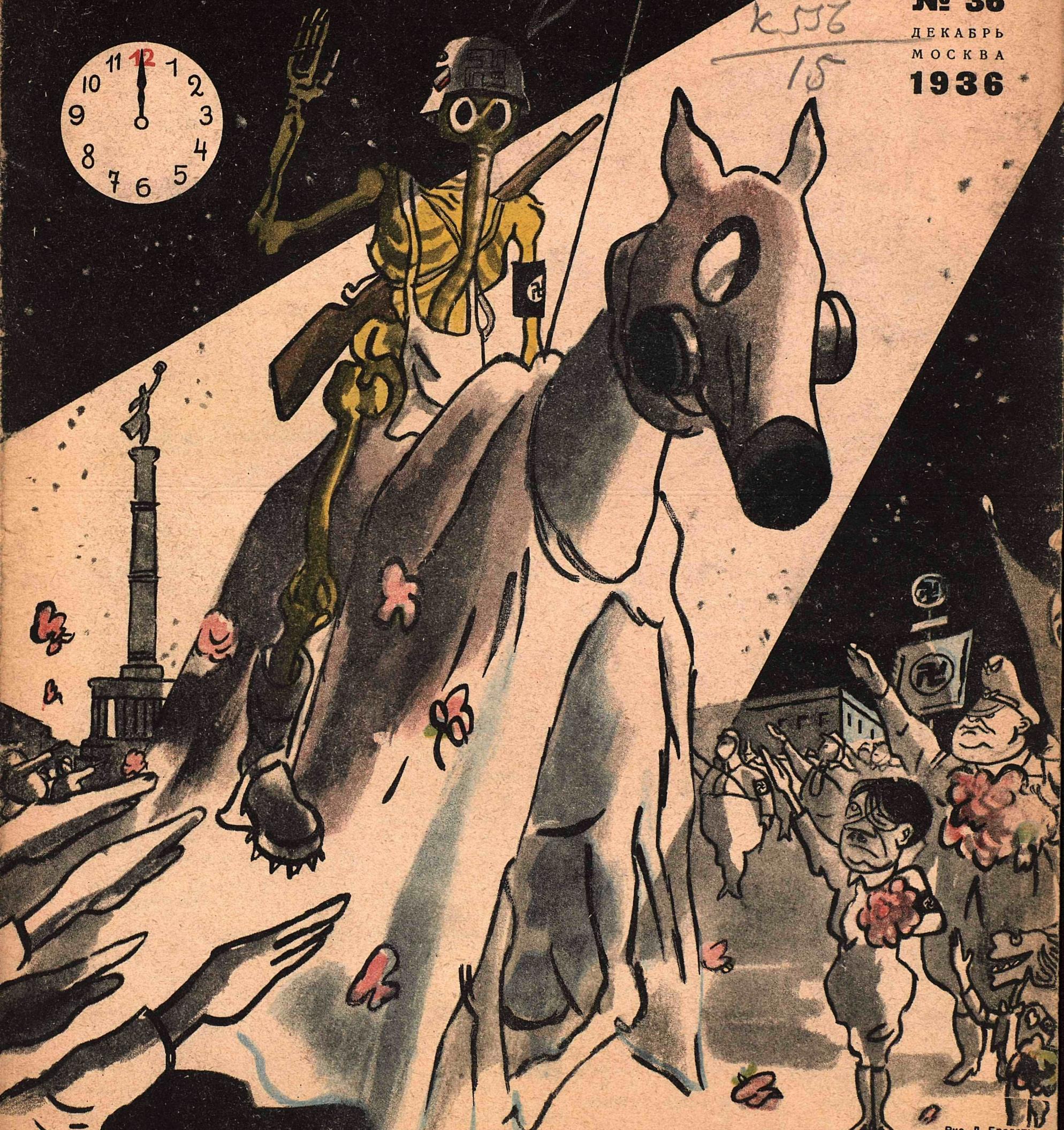
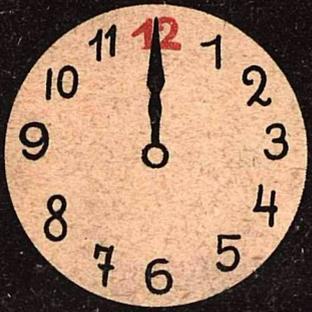
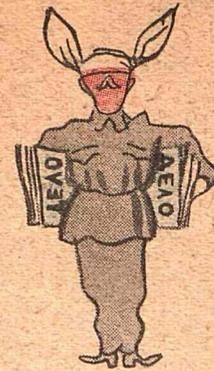

Рис. Л. Бродаты

...И в Берлине встречают новый год...

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО...

Товарищ народный судья! Товарищи народные заседатели! Да, я признаю себя виновным в том, что 25 декабря я вынес из помещения треста Горяйцо стол председателя треста товарища Шишигина и отвез его на ручной тележке к себе домой. Более того, товарищ судья и товарищи заседатели, я должен сказать, что сообщники мои: хозяин тележки № 1573 гражданин Васюсин и дворник дома, где я проживаю, гражданин Купцов, — сообщники мои не знали, что содеянное нами есть воровство. Я обманул этих людей, и оба — Васюсин и Купцов — предполагали, что увоз стола — дело вполне законное и производится с согласия треста Горяйцо. Да и как же им было думать иначе?..

Но позвольте рассказать все по порядку. Вероятно, ничего бы не произошло, ежели накануне 25 декабря я бы не встретился с председателем треста Горяйцо Шишигиным в гостях у одного нашего общего знакомого. Там Шишигин до такой степени похвалялся слаженностью аппарата вверенного ему треста, что вызвало во мне буквально раздражение.

— Полно врать, — сказал я, — бьюсь об заклад, что можно у вас из кабинета в тресте вынести что угодно, — и никто слова не скажет...

Шишигин заржал в ответ ненатуральным смехом, и пари состоялось.

На другой день, подрядив у гражданина Васюсина на Смоленской площади тележку № 1573 и захватив с собою из дому дворника Купцова, я отправился в трест Горяйцо. Председателя треста Шишигина на работе не было. Ключ торчал в английском замке двери его кабинета. Секретарша его, столик которой стоит у самой двери, ругала кого-то по телефону и в то же время свободной рукой отпихивала какую-то сотрудницу, которая рылась в бумагах на ее столе.

Повернув ключ, я стал открывать шпингалеты, чтобы распахнуть вторую, обычно закрытую створу двери. Секретарша, доругавшись по телефону и шубанув сотрудницу, спросила меня:

— Вы зачем?

— За столом товарища Шишигина, — небрежно ответил я и со звоном открыл шпингалет.

— Давно пора! — отозвалась секретарша.

Тут зазвонил телефон, и она опять взялась за трубку.

Вместе с сообщниками моими я вошел в кабинет. Я снял со стола письменный прибор, корзиночку для бумаг и счеты, а папку с надписью «Секретно» сунул себе в карман. Вот она, эта папка, на столе вещественных доказательств. Папку я не раскрывал и документов, хранящихся в ней, не читал.

— Берись! — скомандовал я Васюсину и Купцову.

Оба закричали и поволокли стол к двери.

Тут выбежала секретарша.

— Бумаги, бумаги-то дайте хоть убрать... — начала секретарша, но тут Васюсин наступил трехпудовым своим сапогом на носок секретаршиной туфли.

Она зашипела, завывала, завертелась на одном месте, а потом обиженно захромала обратно к своему столику.

А мои сообщники уже орали друг на друга, пронося стол через двери в коридор.

По коридору сновали сотрудники, помахивая бумагами, и сообщники мои то и дело кричали как лихачи:

— Эй, бррггись!.. Эй!.. Иэп!.. Эп, бррггись!..

Нашелся один человек, который спросил:

— Куда вы тащите? Кто позволил?.. Вот я сейчас коменданта позову!..

Но Васюсин и Купцов так зарычали на него в два голоса, такие сообщили ему слова и пожелания, что человек исчез в одну секунду. А с комендантом мы встретились в том месте, где коридор заворачивает налево. Там и стенгазета висит. Место узкое да поворот еще... Ну и заело у нас.

Откровенно говоря, я начал нервничать. Тем более, что народу вокруг собралось порядочно: во-первых, любят у нас смотреть на переноску тяжестей, смотреть и давать советы, а во-вторых, скопился народ, потому что пройти нельзя: все загородили здоровенным председательским столом.

Васюсин и Купцов хрипели как перед смертью. Стол то впечатывал в стену одного, то резал пополам другого, но за угол не проходил. Собравшиеся кричали наперебой:

— На попа! На попа его ставь!

— Потолком, потолком несите: там пошире!

— Тише, дверцу обломаете!..

— Что — дверца, руку, руку мою пустите! Руку пустите, дьяволы!..

— На себя бери!.. Да не на меня, а на себя! Кому говорят!..

И тут появился гражданин в крагах и барашковой шапке. Гражданин необыкновенно энергично стал распоряжаться переносом.

— Раз—два—раз-ом! — кричал он. — Пошли—взял-ли!.. Раз—два—раз-ом!..

Стол пронесли, разорвав штаны распорядительному гражданину в крагах и сорвав резное украшение с дверки стола.

Гражданин в крагах обеими руками зажал пораженное место на бриджах, стал на корточки подле обезображенной дверки, почмокал огорчительно и приказал моему дворнику Купцову:

— Ступай сейчас в 8-ю комнату, попроси там молоток и гвоздочков. Скажи от моего имени: дескать, комендант велел дать. Приколотишь эту фиговину, а потом и дальше несите!..

В этот момент бриджи коменданта затрещали: видать, дыра на них срочно расширилась; комендант поднялся и, прикрывая руками дыру, отбыл в неизвестном направлении.

Теперь нам оставалось пронести стол только мимо швейцара, который, натурально, является и сторожем. Старик-швейцар подозрительно поглядел на моих сообщников, но тут выступил я и грозно крикнул швейцару:

— Чего рот разинул?! Подсобляй! Видишь: люди несут!..

Швейцар, бормоча неизбежное:

— На попа его, на попа ставь!.. — и кинулся подсоблять.

...Когда мы водружали стол на тележку № 1573 и швейцар лихо раскручивал веревку, чтобы увязывать стол, к подъезду на «Форде» под'ехал председатель треста Шишигин. Признав свой стол, он удовлетворенно кивнул головой и заметил:

— Давно пора!..

Тележка тронулась.

— Стой! — крикнул я. — Стой, бумагу надо снять!

Из щели между дверцей и колонкой стола торчал клочок бумаги. Тележка остановилась, и я выдернул этот клочок. То был обрывок стенгазеты; он зацепился, когда мы проносили стол по коридору. На обрывке было начало статьи о бдительности. Вот он — этот обрывок, товарищ судья. Передаю его суду...

В. АРДОВ

Рис. Л. Генча

— Садитесь, молодой человек. Мне нетрудно и постоять...

А ВСЕ-ТАКИ ОНА...

Земля
стоит на трех китах,
ее —
в дожди и тучи —
несут маститые,
в летах
фонтанящие туши.
Плывут киты,
плеща губой,
и речь ведут
между собой:
— Я кит,
ты кит,
оба мы киты.
Ты кит,
и он кит,
так же как и ты.
Вверх струю —
на земле дожди!
Бурчат животы —
на земле трясение.

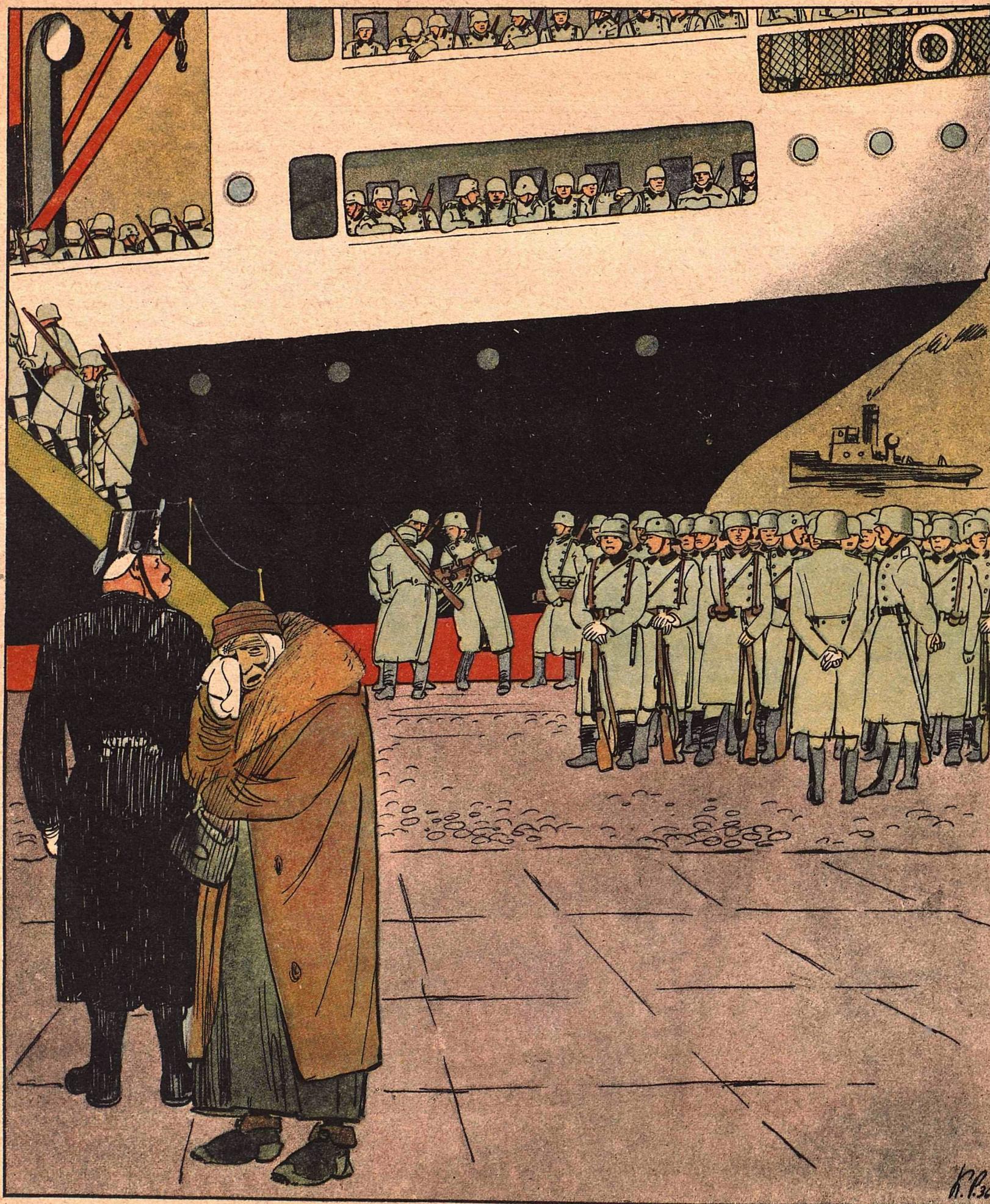
Страсть распаляет —
засухи жди!
Грипп у китов —
моросенья осеннее!
Недовольны
три кита:
— Нет, земля уже
не та!
Говорят спесиво:
— Что мы держим
землю зря,
за красивые глаза,
даром,
за спасибо?
И вдруг
китов земля сама
пинком столкнула
с полюса.
Киты кричат:
— Сошла с ума!
Упадешь!
Расколешься!

Уже вдали
рябит Китай,
и безземельных три кита
издалека глядят
на эту
обескитевшую планету.
Глядят,
от злости чуть дыша,
плюют,
фонтанят,
сердятся...
Без трех китов
свободный шар
и держится,
вплывая в пар,
и — что обидно —
вертится!

Моя земля
доселе там
и надолго,
назло китам.

СЕМЕН КИРСАНОВ

Рис. К. Ротова

— Чего плачет эта старушка?
— Ее сына, как и нас, мобилизовали добровольцами в Испанию.

Конец Муськиного бога

Если бы люди спросили Муську Куркову, верит ли она в бога, то Муська, натурально, сказала бы им: «Вы с ума сошли! Конечно, нет!»—и... соврала бы, потому что имела бога в сердце своем.

Но Муську Куркову нельзя было причислить ни к православным христианам, ни к католикам, ни к протестантам. Магометанство тоже было ей чуждо. Из всех существующих на обширной нашей планете религий муськино вероучение скорее всего напоминало религиозную программу индусской секты поклонников живого бога — жителя города Бомбея г. Ага-хана.

Божество Муськи Курковой тоже было живое. Его звали Евгением Августовичем Лепестковским, и оно было популярным тенором.

Один раз в пятидневку Муська вместе с подругами по секте отправлялась в театр на поклонение своему богу.

Как только божество, облаченное либо в черный фрак Ленского либо в пышный наряд герцога из «Риголетто», появлялось на сцене, могучий крик «Лепестковский! Лепестковский!» вырывался из муськиной груди и, подхваченный другими сектантками, долго и нудно метался по театру, заставляя зрителей сердито кашлять, а дирижера нервно почесывать своей палочкой-выручалочкой лысое, блистающее темнотой.

Обряд требовал повторения всей церемонии в конце спектакля.

Когда занавес опускался, сектантки во главе с Муськой коротким галопом мчались через весь зал к рампе и опять кричали визгливыми, страшными, обморочными голосами: «Лепестковский, Лепестковский!»

Но это было еще не все. Сектантки первые прорывались на улиду и у бокового выхода подкарауливали божество, когда оно, кутая в импортный шарф драгоценное горлышко, выходило из театра, направляясь к домашним пенатам, к покеру «по большой», к заливной белуге под хреном.

Только бы взглянуть в светлые чуть заплавленные, ко всему равнодушные глаза! Только бы улыбнуться ему так, чтобы оно, заметив, приложило к выдровой круглой шапочке руку, затаенную в лайковую перчатку!

Однажды на совещании секты решено было получить карточки божества с его собственноручным автографом.

Консерваторка Ниночка Гейм, маленькая брюнетка с лицом испуганной обезьянки, узнала, что все это можно устроить через знакомого капельдинера Климыча.

Она купила у театрального фотографа пять — по числу членов секты — карточек божества в костюме Ленского и раздавала подругам. Все написали на карточках, внизу, свою фамилию, и Муська тоже написала — крупными, трепетными буквами.

В назначенный день сектантки встретились в театре. В условленном месте к ним подошел Климов, сухой, надменный старичок, похожий на Фридриха Великого, и сказал:

— Ну, давайте скорей, сейчас пойду и накрою Евгения Августовича. Враз подпишет. Деньги вперед давайте, по рублику с персоны.

Сектантки сунули Климычу по рублю, отдали ему карточки, и он ушел. Когда его кривоногая фигурка потерялась среди толпы, осаждавшей вешалки балкона, сектантки вдруг услышали тошный, смертный шопот Муськи Курковой:

— Девочки! Я ему нечаянно Добролюбова дала.

В первый момент никто ничего не понял. На побелевшее муськино лицо было страшно смотреть.

— Муська, успокойся. Только скажи, что случилось! — прикрикнула на подругу Ниночка Гейм.

— Добролюбова карточку отдала на автограф. А «он» — вот он — в сумочке остался.

— Вот дура! Ты же всех нас погубила. «Он» же обидится смертельно. Кто такой Добролюбов, хахаль твой, что ли?

— Критик он. Я из-за него вчера по русскому «очень плохо» получила, мне девчонки его карточку для смеха подарили. В очках он, Добролюбов, несимпатичный... Боже мой, почему я такая несчастная?

Никто не утешал Муську Куркову, совершившую явное

святоотечество. Напротив, толстая Катя Сидорова даже сказала ей:

— Если «он» из-за тебя все карточки вернет, я тебе, Муська, глаза выцарапаю, ты это запомни.

Прошло томительных пятнадцать минут. Наконец, явился Климыч. Сектантки окружили его трепещущей стайкой. Климыч надел на нос железные старомодные очки и стал раздавать карточки, выкликая сектанток по фамилиям.

— Гейм, получайте. Сидорова! Никандрова! Пономарюк! А это вот, без фамилии, чья? Ваша, что ли?

На каждой карточке во весь ее разворот стояла божественная подпись: Евг. Лепестковский. И на карточке Добролюбова — тоже.

— Ради бога! — сказала Муська Куркова, умоляюще глядя на очки капельдинера. — Ради бога! Попросите Евгения Августовича снова расписаться, я вам не ту карточку дала.

— Поздно, барышня. Уже занавес даю.

— Поймите, «он» же на Добролюбова расписался.

— Давайте заходить, барышня. На ком давали, на том и расписался. Идите, идите себе.

Весь спектакль Муська Куркова просидела не двигаясь, прямая, как бы окаменевшая от горя, с горящими сухими глазами.

— Жива не буду, — думала она, — достану автограф. В ногах у него буду валяться, вымолю себе прощеньице.

Задолго до конца спектакля она выскользнула в коридор, быстро оделась, сбегала вниз и заняла позицию у бокового выхода.

Ждать пришлось долго. Муська озябла в легком своем пальтишке с воротником из амбарной крысы. Ей было очень жалко себя. «Он» все не показывался.

Наконец, когда Муська уже решила, что «он» вышел другим подъездом, прямо перед ней выросла знакомая фигура в оленьей дохе и круглой выдровой шапочке.

— Евгений Августович, — пролепетала Муська, почти теряя сознание от благоговения и страха. — Ради бога... Распишитесь... Вот карточка.

— Пardon, — сухо зато сказала божество, — я сегодня уже подписывал какие-то карточки.

— Я нечаянно Добролюбова вам послала. Ради бога, Евгений Августович, не подумайте плохого... Я в школе срезалась по Добролюбову, а девчонки мне преподнесли его карточку. А вы вот у меня в сумочке остались.

— Ничего не понимаю! Какая сумочка? Какой Добролюбов?

— Критик, Евгений Августович. Разночинец он. Я нечаянно, Евгений Августович.

Божество посмотрело на озябшую синюю муськину физиономию, со следами слез на пухлых щеках, на карточку Добролюбова с его собственным автографом, смягчилось и сказала:

— Хорошо. Давайте подпишу. Добролюбова, значит, мне послали?

— Добролюбова, — всхлинула Муська.

— Повернитесь ко мне спиной на минутку. Вот так. Я у вас на плечиках, pardon, устроюсь. Добролюбов, значит, вас подвел?

— Добролюбов, — снова всхлинула Муська.

— Вот. Возьмите. До свиданья, — сказала божество, отдавая Муське надписанную карточку, и быстро зашагало прочь.

Не помня себя от счастья, Муська бросилась к фонарю и в неживом его свете прочитала крупную размашистую подпись во весь разворот карточки «Евг. Добролюбов». Божество отличалось артистической рассеянностью.

— Евгений Августович! — крикнула Муська Куркова и, пошатнувшись, схватилась за фонарь. Мимо нее, смеясь и разговаривая, шли люди.

Тогда Муська с неожиданной злостью разорвала карточку своего бога на мелкие кусочки и с наслаждением бросила их на мостовую. Ледяной ветер подхватил останки божества и, играючи, бросил их прямо под резиновые промадные ноги проходившего мимо троллейбуса.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Современная молодая женщина не любит, когда ей говорят уменьшительные слова. Она не любит, когда ей говорят: «ротик», «ручки» или «ножки».

Она на это сердится. И даже, я так думаю, через это может разрыв произойти.

Одна особа мне так и сказала:

— Какие, к чорту, ножки. Я, говорит, 39 размер бареток ношу, а вы, говорит, все свое. Подлец вы, говорит, а не человек. Вы, говорит, мне жизнь губите своей дурацкой чувствительностью.

Откровенно вам сказать, я даже опешил от таких слов.

Она говорит:

— Это, говорит, в прежнее время избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие сантиментальности. А я, говорит, плюю на таких мужчин, как вы.

ВЕРНЫЙ ПРИЗНАК

Рис. К. Ротова

— Когда же Петр Иванович спустится?
— Лыжи его уже с'ехали, значит, скоро и сам будет.

— Вот тебе, говорю, здравствуйте. Как, говорю, понимать ваши слова?

А как понимать ее слова, когда она с тех пор мне по телефону ни разу не звонила и при встрече со мной не поздоровалась?

А это верно: современные молодые женщины любят что-нибудь смелое, героическое. Им, я заметил, не нравится что-нибудь обыкновенное. Они любят, чтобы мужчина был непременно летчик или там, в крайнем случае, бортмеханик. Тогда они расцветают и их не узнать.

А интересно их спросить: что же, все люди, что ли, должны быть летчиками и бортмеханиками?

Конечно, я ничего не говорю, профессия бортмеханика до некоторой степени удивительная, и она вызывает разные эмоции у зрителей. Но тоже, как говорится, невозможно, чтоб все без исключения летали под небеса.

Некоторым приходится занимать более скромные земные посты в канцеляриях и так далее.

А то им еще почему-то нравятся кинооператоры. Это уж прямо, как говорится, неизвестно почему. Крутит ручку и думает: «Наполеон».

Еще тоже вызывают женскую любовь приехавшие из Арктики. Ну, льды там. Снег. Северное сияние. Подумаешь!

Вообще говоря, я четыре раза женился, и все как-то такое у меня не вытанцовывалось. Ну, первые две жены увлеклись бортмеханиками. Третья сошлась с кинооператором. Ну, как говорится, это бывает. Но четвертый брак меня удивил своей неожиданностью. И я как гражданин, испытывавший это, должен предостеречь остальных мужчин от подобных бракосочетаний.

Кстати, эта моя знакомая сама завела разговор: не жениться ли нам?

Конечно, у нас с ней было большое увлечение. И я в нее влюбился до потери сознания, и она была от меня без ума.

Я ей сказал:

— Конечно, говорю, я не порхаю под небеса и навряд ли, говорю, для вашего удовольствия когда-нибудь прыгну с крыши с парашютом. Но, говорю, человек я, тем не менее, любящий современность, и предпочитаю ходить в кино на картины героические или, в крайнем случае, в которых хроника. Так что, если вы увлекаетесь небесной профессией, то вопросов, как говорится, к вам не имею.

Она говорит:

— Нет. Мне нравятся и другие профессии. И я согласна быть вашей женой. Но только пусть наш союз будет до некоторой степени свободный. Я не люблю стеснений личности. Я, говорит, до вас семь лет была замужем, и муж, говорит, меня в гроб загнал своим поведением. Он меня даже в театр с кем-нибудь не пускал. И теперь я бы желала иметь с вами брак, основанный на товарищеских условиях. И если, например, вы кем-нибудь увлечетесь, я вам ничего не скажу. А если я кого-нибудь встречу, то и вы, тем более, мне не будете возражать. И тогда наш брак, наверно, будет более продолжительный, основанный на разумном понимании двух любящих сердец.

ПЕРЕПИСНОЙ ЛИСТ

В связи с всеобщей переписью населения спешим заполнить переписной лист на наш журнал.

1. Фамилия? *Крокодил.*
2. Род занятий? *Журнал политической сатиры.*
3. Место работы? *Издание газ „Правда“.*
4. Сколько лет или месяцев отроду? *14 лет 7 месяцев (в июне исполнится 15 лет)*
5. Гражданин какого государства? *СССР*
6. Выходит ли в красках? *Мноокрасочный.*
7. Сколько раз в месяц выходит? *3 раза*
8. Цена отдельного номера? *60 копеек.*
9. Фамилия редактора? *Михаил Кольцов.*
10. Обеспечено ли участие в журнале лучших сатирических и юмористических писателей и художников? *Да.*
11. Название городского поселения, в котором помещается редакция? *Москва.*
12. Улица, переулок, площадь? *улица „Правды“.*
13. № дома? *24.*

Я говорю:

— Я, говорю, четвертый раз женюсь, и у меня, говорю, ум за разум заходит от всевозможных понятий. То, говорю, одна не велит уменьшительные слова ей говорить. То, говорю, другая сходится с кинооператором. То, говорю, вы еще что-то мне преподнесите. Но, говорю, поскольку мое сердце занято вами, то пускай будет по-вашему.

И вот, конечно, мы женимся и живем на разных квартирах. И все у нас идет хорошо и дружелюбно. Но вдруг она через неделю увлекается одним своим знакомым, который прибыл из Арктики.

Она мне говорит:

— Если хотите, давайте разойдемся. Но если еще питаете ко мне некоторые чувства, то давайте придерживать наши условия. Тем более мой знакомый снова в скором времени уезжает в экспедицию, и тогда у нас с вами опять хороший союз получится.

И вот я, как дурак, ожидаю его отъезда месяц и два. И, наконец, моя соседка по комнате говорит:

— Напрасно будете ее ждать. Ваше дело битое: она к вам ни по чем назад не вернется.

Но проходит еще месяц, и вдруг моя супруга возвращается со словами: я, дескать, его окончательно отшила, тем более, что он снова уехал в свое северное путешествие.

Я говорю:

— Но теперь с моей стороны возникли препятствия: я, говорю, увлекся своей соседкой. А если у вас остались ко мне чувства, то, говорю, я согласен с ней разойтись.

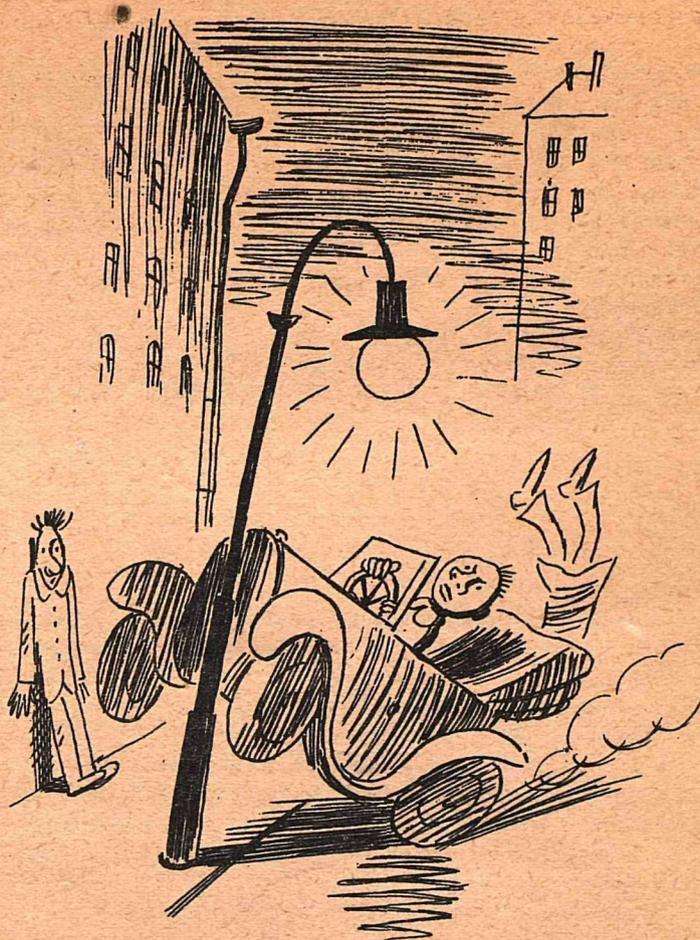
И вот я стал с ней расходиться. И только я с ней разошелся, гляжу: моя супруга через месяц спокойной жизни снова увлеклась приятелем и спутником по путешествию того человека, который уехал в Арктику. А этот полярник почему-то остался. И она им увлеклась.

Вот я, согласно условию, жду несколько месяцев и вдруг узнаю, что у нее будет от него ребенок.

Я говорю ей:

— Интересный брак у нас получается. Эти, говорю, по-

Рис. Б. Малаховского

— Безобразие! Поставили бы столб чуть левее — и было бы все благополучно!

лярники, бортмеханики и кинооператоры меня с ног валят.

Она говорит:

— Хотите — подождите, когда он меня разлюбит или когда ребенок немного подрастет. И тогда будем продолжать наши условия. А не хотите — так как хотите. Вообще, говорят, вы мне прямо надоедаете своим вечным нытьем и недовольством. Я, говорит, не от себя завишу. Мое сердце мне подсказывает, каких современных мужчин мне любить и каких ненавидеть. Не только, говорит, вы не имеете значка ГТО, но хоть бы для смеха прошли курс санитарной обороны. Уж я не говорю, чтобы вы были ворошиловский стрелок или поехали бы куда-нибудь на север. Не эти, говорит, профессии вас с ног валят, а просто у вас характер неинтересный, далекий от современности.

Я говорю:

— То одна не велит уменьшительных слов произносить, то другая детей преподносит. И вдобавок мне лекции читает. Вдруг она открывает дверь в соседнюю комнату и кричит уменьшительные слова:

— Ванюшка, этот типус опять к нам скандалить пришел. И хотя он мой муж, но выгони его к чорту. Я, говорит, чувствую, что через него истерику наживу.

И вдруг входит в комнату приятель того, который в Арктику уехал. Здоровенный такой мужчина, закаленный северным воздухом. И вдобавок парашютист, со значком.

— Об чем, говорит, молодой человек, вы тут загораетесь?

Я попрощался с ним и ушел с намерением все это опровергнуть, чтобы другие нелетающие мужчины остерегались попадать в такое же, как говорится, непромокаемое положение.

Я гляжу против таких свободных браков. Я стою за более крепкий брак, основанный на взаимном чувстве. А где это чувство взять, ежели я и парашюта никогда в глаза не видел. И севернее Лигова нигде не жил.

Прямо хоть становись героем, чтобы сравниться с остальным населением.

Заслуж. деят. М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ОБВИНЕНИЕ

Это был совершенно добровольный фотокорреспондент. Ему, пожалуй, не было еще и пятнадцати лет. Он приносил в редакцию свои снимки, подписанные: «Фотообвинение». На снимках изображались мокнувшие под дождем дрова, разбитые стекла чердаков, незачищенные крыши.

На снимке, принесенном сегодня, ничего нельзя было разобрать. Редактор вертел его вверх, вниз, вправо, влево.

— Туман какой-то. Что же за обвинение? Звездная туманность? Непорядки на звездах?

— Зачем на звездах? Самое настоящее фотообвинение. Пластинки плохие, бумага скверная, красный фонарь отвратительный — вот из-за того такие штуки получаются. Вы их этим пятном прохватите!..

СЛАВА

Средний писатель пожилых лет пришел как-то в библиотеку и, соблюдая инкогнито, попросил одну из своих первых и последних книжек.

«Сейчас, — думал он, — выясню свою славу. Как там странички поживают? Погрязней бы, позасалистее!»

Получив книгу, начал листать. Книга была довольно чистенькая.

«Берегут, — подумал автор. — Ага! А это что ж? Вырваны страницы! Семнадцатая — и сразу двадцать первая... Молодец, кто-то выдрал... Хотя у меня ведь на этих страницах отличная сцена была разработана. Глубокая, психологическая...»

Он вернул книгу:

— Все-таки надо следить за книгами. Вот здесь самые интересные страницы кто-то вырвал. Какой-то «энтузиаст»...

— Разве?.. Да нет, что вы... Это просто в типографии перепутали. А другой экземпляр у нас есть, так там дважды эти страницы повторены.

— Ну и что же? Никто не замечает недостатка этих страниц?!

— Нет. Ведь таких авторов редко, да и через пень в колоду читают...

Автор сердито хмыкнул и повернулся.

ФОЙЕ

Сначала в фойе этого кинотеатра появились на дверях бархатные занавеси. Потом была построена эстрада: здесь играл оркестр, выступали певицы, рассказчики. Вскоре была оборудована удобная шахматная комната. Вслед за ней — читальня, маленькая картинная выставка, радиоуголок, буфет.

Вчера два посетителя, придя за полтора часа до начала сеанса, посидели в мягких креслах фойе, послушали певицу, оркестр, сыграли в шахматы, отдохнули в читальне, взглянули на выставку и пошли домой, выпив по чашке кофе.

— А картину? — удивилась контролерша.

— Зачем?.. У вас же идет глупейшая комедия с этими перепутанными письмами... Мы провели хорошо время и не хотим портить настроение...

БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ

Старый вор Дубинин давно присматривался к дверям этого студенческого общежития. Лучшего места для легкой кражи и не найти. А после восьми приводов требовалась легкая кража. Двери всегда в общежитии были настежь. Внизу, у вешалки, где болтались студенческие пальто, не было и признака швейцара.

Дубинин несколько раз заходил посмотреть на пальто. С каждым днем их становилось на вешалке все больше и больше.

«Ничего вон та, жеребья куртка... Да и этот бобрин. Главное ж легко! Ну, пускай птички еще поднакопятся!..»

Дубинин деловито потер ладони и вышел. С первыми заморозками, обождав, когда студенты в сумерках пробежали из университета в общежитие, Дубинин, нащупав в кармане веревку, пошел к вешалке.

«Первым делом, — размышлял Дубинин, — жеребья тужурку сниму. Ну и вообще охапку нахватую».

Не закрыв дверь, пошел к вешалке и ахнул: на колышках не было ни одного пальто.

— Где же пальто? — не удержался спросить он у случайно пробегающего студента с пальто внакидку.

— Пальто?.. Да все в пальто в комнатах сидят: топят плохо! Окна не замазаны!

— Какая бесхозяйственность! — возмутился старый вор Дубинин.

— А вы кто: новый комендант? — поинтересовался студент, поправив сползавшее с плеч пальто.

— Зачем? Просто пальто должны висеть на вешалке. Это не порядок, когда люди сидят в комнате в пальтах, — сказал Дубинин и засунул поглубже веревку.

ЖЕЛЕЗО

В повестке дня стояла — самокритика. Председатель местного комитета, посмотрев в зал и приметив, что директор куда-то вышел, поднялся и сказал:

— Надо прямо отметить! Товарищ Хамеев, наш директор, сплошь и рядом страшно груб...

Председатель местного комитета стукнул кулаком по столу:

— Мы должны эту грубость выгнать каленым железом!..

Разжал кулак: в зал неожиданно возвращался директор.

— Но, — продолжал председатель местного комитета, чуть наклонив голову, — но и товарищ Хамеев не железный ведь... Мы лезем к нему со всякими пустяками, раздражаем. Нам надо подтянуться, товарищи, да, да...

А вечером, после собрания, говорил Хамееву:

— Плохо вы выглядите... Хоть бы это... железо внутрь принимали... А то, может, желаете путевочку в какой-нибудь там Железноводск? Мигом состряпаем!.. А?

ОТЕЦ-КОМАНДИР

Он внимательно пересмотрел документы этого молодого инженера. Документы были в порядке — вполне можно было принять на работу инженера. Еще раз директор завода взглянул на инженера и сказал:

— Да вы присядьте, Мария... Мария Владимировна... Так... Дело в общем значит вам знакомое... Так... Ну, а как у вас с житейскими делами, Мария Владимировна?.. Я как отец — командир производства — должен заботиться о вас... С детками как у вас?

— С детками? — переспросила улыбаясь Мария Владимировна. — Вот жду ребенка...

Директор сразу стал серьезным:

— Видите, товарищ, я только хотел вас предупредить, что работа у нас тяжелая... А вы, так сказать, ждете ребенка... Я как отец — командир производства... Хе-хе-хе...

— Это не мешает работе...

«Я знаю, не мешает работе, — подумал директор. — Два месяца до да два после. А я планы выполняй... Нет, милая, не на такого напала...»

А вслух сказал:

— Как не мешает?.. Ждете ребенка, а работа... как говорится, — волк... Я как отец — командир...

— Да что ж ребенок... Я жду ребенка из Твери... Он жил там пока у бабушки... Сыну уже пятый год... Чем он мешает?

— Ах, пятый, — сразу просиял директор. — Я как отец — командир производства... Думаю, ждете... Пятый год... Чудесный мальчишка!.. Пожалуйста, в отдел кадров, вас там в одну секунду оформят... А я думал... Да, да... Налевом... Второй стол... Пожалуйста!..

В. ТОБОЛЯКОВ

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 36.

— С Н О В Ы М Г О , Г О С П О Д А ! ..

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Должно быть, с детства я уж такой: дотошный, любопытный. Все меня интересует: «почему» да «отчего». Не успокаиваюсь, пока не дохожу до корня.

Вот и сейчас я обращаюсь к тебе, любезный Крокодил, помоги мне получить ответы на несколько «почему», которые меня тревожат вот уже несколько месяцев.

ЦК партии и Совнарком Союза ССР в феврале этого года вынесли постановление о ликвидации неграмотности.

Моссовет предложил райсоветам обеспечить школы ликбеза помещением и учебными пособиями. И срок на это дал — пятидневный. Почему же райсоветы растянули эти пять дней на пять месяцев?

Райсоветы обязаны были охватить учебной всех без исключения неграмотных в возрасте от 18 до 50 лет и 150 тысяч малограмотных. Почему же до сих пор, на исходе 1936 года, по Москве не охвачено учебной 15 тысяч неграмотных и 80 тысяч малограмотных?

При райсоветах созданы секции по ликвидации неграмотности и малограмотности. Может быть, тебе, дорогой Крокодил, известно, чем занимались эти секции? Почему об их работе ни слуху, ни духу?

Такая секция существует с мая и в Моссовете. Почему президиум Моссовета за шесть месяцев не поставил доклада секции? Почему Ленинградский совет, с которым Москва вступила в соревнование, шесть раз слушал доклады секции о ликвидации неграмотности?

Я знаю, ты вправе задать законный вопрос: где же была секция Моссовета по ликвидации неграмотности и малограмотности?

На этот вопрос я как председатель секции скажу прямо: секция работала плохо, не по-стахановски. И с нас вины снимать не надо. Но почему, скажи, пожалуйста, орготдел Моссовета ни разу не поинтересовался тем, как работает наша секция? Почему, получая аккуратно наши материалы, орготдел на них никак не реагировал?

Большая у меня к тебе просьба, дорогой Крокодил.

Поставь в известность о моих «почему» президиум Моссовета и постарайся получить ответ. Я бы сам сделал это, но в октябре я выступал на пленуме московского горисполкома, приводил факты безобразного отношения местных организаций к ликбезу, но и после этого дело не изменилось к лучшему, опять-таки не знаю, почему.

Председатель секции Моссовета по ликвидации неграмотности и малограмотности

Герой Советского союза
А. Ляпидевский

Дорогой Крокодил!

У нас к тебе такой вопрос теоретического порядка: можно ли отнести к числу «дураков», которым закон не писан» начальника южноенисейского дражного управления Главлота Е. С. Нечипоренко? Он из «производственных соображений» не пустил на Чрезвычайный с'езд советов Удерейского района делегата с'езда от рабочих-старателей Южно-Енисейска — товарища М. Любецкого. Когда тов. Любецкий, послушавшись начальства, все же явился на с'езд и стал слушать доклад о Конституции, Нечипоренко заставил его удалиться из зала, сказав:

— Нечего тебе тут сидеть! Надо программу выполнять!

К. Хайдуков

Южно-Енисейск,
Удерейского района,
Красноярского края

Дорогой Крокодил!

Мраморизация и шикарризация торговых помещений перекидывается теперь и на бани. В Ленинграде недавно открылись Разночинные бани № 1, Приморского района. Они уже работали год, а потом два года отдыхали на ремонте. Ремонт произведен капитальный, с мраморизацией и шикарризацией. Однако с первых же шагов неорганизованный мойщик остается недоволен: шкафчики для раздева-

ния, сделанные под дуб, с зеркалами, уже рассохлись, дверцы шкафчика для ботинок перекосились и не открываются, мойщик сует ботинки в шкафчик вместе с бельем. Зеркало при этом правдиво изображает его перекошенную физиономию. Водопроводные ручки для холодной и горячей воды сделаны в целях красоты из одного и того же металла. Мойщик, обжегши руку о красивую металлическую раскаленную ручку, отскакивает к мраморной скамье, проклиная архитектора. Конечно, для красоты можно и пострадать: вон, говорят, в Париже для красоты и ресницы из глаз дергают. В крайнем случае мойщиком для предохранения рук можно выдавать брезентовые рукавички.

Потом мойщик идет в мраморное стойло под душем, но душ бездушный: воды из него ждать, что манна небесной. Остается еще полюбоваться золотыми буквами на огромных дверях — «Выход». Но и «Выход» этот забит, потому, что мало идет публики в баню. Не понимает народ красоты!

Мойщик с довоенным стажем
В. Сибиряков
Ленинград

Товарищ Крокодил!

Изобретательская мысль не дремлет: сыктывкарский горсовет изобрел чудный метод уклонения от самокритики. Для этого берется какой-нибудь сотрудник городского совета, не член совета, например товарищ Бызов, и направляется, ну скажем, к избирателям треста Комилес отчитываться в работе городского совета, каковая не блещет особыми достижениями.

Как только избиратели начинают резко критиковать городского совет, товарищ Бызов заявляет:

— Но я ведь не член городского совета, а лишь его служащий! Какой вам интерес меня ругать?

После такого заявления самокритика тухнет немедленно.

И. Кызьюров
Сыктывкар,
область Коми.

Товарищ Крокодил!

Недавно президиум колпнянского районного исполнительного комитета вынес постановление о распределении исполкомовских лошадей по отделам исполкома. Отныне каждый заведующий отделом может в любой день выехать в район, в колхозы. Странно лишь, что облагодетельствованные заведующие отделами дружным хором ругают заботливого председателя колпнянского исполкома Шелкова и всячески отбиваются от его подарков. Дело в том, что Шелков своевременно не заготовил кормов для лошадей и они от голода едва стоят на ногах. Одна лошадь уже сдохла. Шелков провел вышеуказанное постановление только для того, чтобы освободить свою конюшню от голодных лошадей и дать им возможность сдохнуть на стороне, ибо отделы исполкома кормов тоже не заготовили.

Ив. Авдеев
Колпна,
Курской области

Уважаемый Крокодил!

Сообщаю тебе, что у нас в Краматорске очень трудно стало кататься на велосипеде по городу. Но краматорским велосипедистам мешают не злые собаки и плохие мостовые, а следователь городской прокуратуры Банецкий. 30 сентября он с группой своих пьяных приятелей встретил меня на улице, сказал, что я украл у него машину, и отвел в милицию, где велосипед у меня отобрали. А я не вор, уважаемый Крокодил, я ученик 8-го класса, школы № 6 имени Горького. Велосипед мне подарил мой старший брат И. П. Сергеевичев (у нас разные фамилии, потому что отцы разные) за то, что я хорошо учусь. Если следователь Банецкий всех воров ловит так, как меня, то это очень печально. До сих пор милиция мне велосипед не вернула. На моей машине катаются милиционеры и уже сломали седло.

Пионер Николай Поддубез
Краматорск,
Донбасс

ОЧЕРЕДНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КЕЙПО ДЕ ЛЬЯНО ПО РАДИО

Рис. Н. Ротова

— Ради бога, ваше превосходительство, не икайте так громко: я могу уронить микрофон...

СЛУЧАЙ В ОХОТНОМ

Забавная история случилась у нас с Петей в гостинице «Москва», что в Охотном. Зашли мы туда как-то наднях...

Тут я должен самого себя перебить и сказать, кто такой Петя. Это мой однокурсник, свой парень, чуткий товарищ, по специальности семеновод.

Так вот мы с Петей решили поехать вдвоем на зимнюю практику в Коротаяевский район. Главным образом потому, что в районе хорошая опытная станция. А во главе станции — ученый-агроном Абросимов, автор нескольких серьезных трудов по почвоведению и семеноводству.

А в гостинице «Москва», как мы узнали, остановился мой старый знакомый, председатель коротаяевского райисполкома товарищ Синицкий. Узнали мы также, что вместе с ним приехал и агроном Абросимов. И мы с Петей попросили Синицкого устроить нам встречу с ученым-агрономом.

Пришли мы к Синицкому, а его в это время по телефону куда-то вызывают. Он и говорит нам:

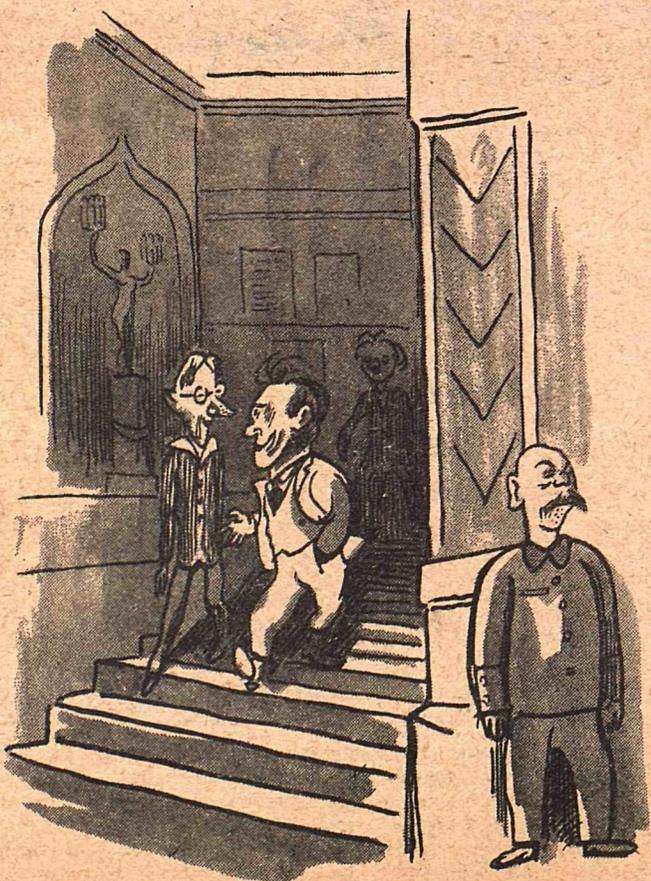
— Вот что, ребята, вы меня извините, а только мне на полчаса посидеть надо. Скоро сюда пожалует Абросимов. А пока посидите, газеты вот, не скучайте. До скорого!.. Ах, да! Вот какая штука. Тут ко мне должен придти один иностранец. Американский инженер. Едет к нам на новостройку. Вы его самым деликатным образом попросите посидеть. Языков не знаете? Плохо. Ну вы с ним как-нибудь мимикой. Только поделкатней. По-русски он, несчастный, ни в зуб ногой. Вот тут у меня в столике для него сигары припасены — угощайте. Только поделкатней. А я скоро...

Минут через пять слышим: стук в дверь. Этаким вежливым, коротким стук. Мы с Петей не дураки: сразу поняли. И вот в номер входит американец.

Мы с достоинством, как и подобает представителям сильной державы, приподымаемся. Каждый из нас деликатно кивает головой в знак приветствия. Потом мимикой и соответствующими жестами указываем ему на кресло. Он по-американски чему-то улыбается, садится и молчит.

НЕ ТОТ АВТОР

Рис. А. Радакова

— Рукопись второго тома „Мертвых душ“ Гоголь сжег.

— Попробовал бы он сжигать, если бы под него уже в трех издательствах был взят аванс...

Сидит и молчит, а мы его деликатно разглядываем. Видим: серьезный иностранец. Высокий, плечистый, бритый. Желтые ботинки на каучуке. Костюм, конечно, шевитовый, и пиджак однобортный.

Тут Петя подбегает к ящику, вынимает сигары и мимикой угощает. Американец опять улыбается, но сигары не берет. Он вынимает из кармана коробку русских папирос «Казбек», галантно подносит нам. Мы в ответ галантно качаем головой: дескать, мерси, некурящие.

Американец в это время взял со стола журнал. Читать по-нашему не умеет, но картинки смотрит и все улыбается.

А мы с Петей ведем разговор.

— Знаешь что, — говорю я Пете, — я бы поменялся с ним костюмами. Гляди, как они там за последнее время наловчились шить.

— А мне, — говорит Петя, — больше всего нравится галстук. А костюм самый обыкновенный. Ничего удивительного. У Васи даже лучше.

— Как-то неудобно получается: рассматриваем его, как куклу...

— Да он же по-русски ни черта не понимает.

— Надо бы с ним о чем-либо поговорить. Например о кризисе, что ли?

— А как будет кризис по-американски?

— Это на всех языках одинаково. Вот погляди, как я с ним договарюсь.

Петя подходит к американцу, деликатно кашляет и говорит, стараясь придать своему произношению заграничный акцент:

— Кризис? А?

Американец улыбается и качает головой. Никакого, мол, кризиса нет. Видать сразу: заядлый — отрицает.

Но Петя не унимается:

— Безработиса? А?

Тут американец вскакивает и на чистом русском языке говорит:

— Вы что, ошалели? Какая такая безработица может существовать в Коротаяевском районе?

Нечего хвастаться: мы действительно ошалели. Когда мы немного пришли в себя, я пролепетал:

— Кто вы такой? Как ваша фамилия, мистер?

— Абросимов.

— Так что же вы?..

— Ничего. Захожу — вижу: двое юношей дурака валяют. А я страсть как шутку люблю. Ну и решил тоже поиграть.

Посмеялись мы, конечно. А потом перешли к серьезному разговору. Засыпали мы нашего ученого-агронома вопросами.

Агроном отвечал нам очень серьезно и толково. Мы сразу почувствовали, что имеем дело с серьезным ученым человеком. Он тут же записал в наши блокноты разные химические формулы. Указал соответствующую литературу. Одно лишь удивило нас, что вместо «селекция», он написал «силекция». Конечно, описка. С кем греха не бывает?

Потом мы как-то невольно перешли к разговорам о новой, колхозной деревне. Абросимов вспомнил старое деревенское житье и по этому поводу процитировал из Пушкина:

«Здесь рабство тощее тащится по браздам
Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея...»

В это время открывается дверь и входит Синицкий.

— Что, американца не было еще? Сейчас, думаю, придет. А агроном наш освободится только через час.

— Какой агроном?

— Странный вопрос. Наш ученый-агроном Абросимов.

— Ничего не понимаем. А это кто?

— Этому еще далеко до ученого, хотя его фамилия тоже Абросимов. Это наш тракторист-стахановец, приехал в Москву на с'езд. Агроном же, повторяю, придет через час.

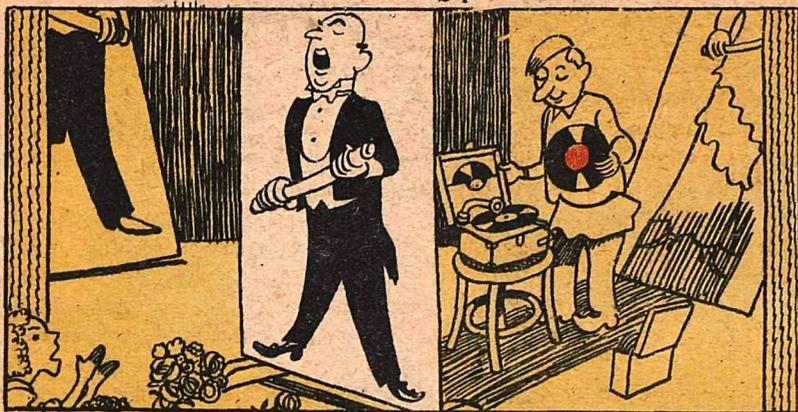
Мы с Петей некурящие. Но тут, как бы сговорившись, подошли вместе к столу, взяли по папиросе «Казбек» и закурили. Потом взглянули друг на друга и весело засмеялись.

Г. РЫКЛИН

ВСЕ ДЛЯ ИСКУССТВА

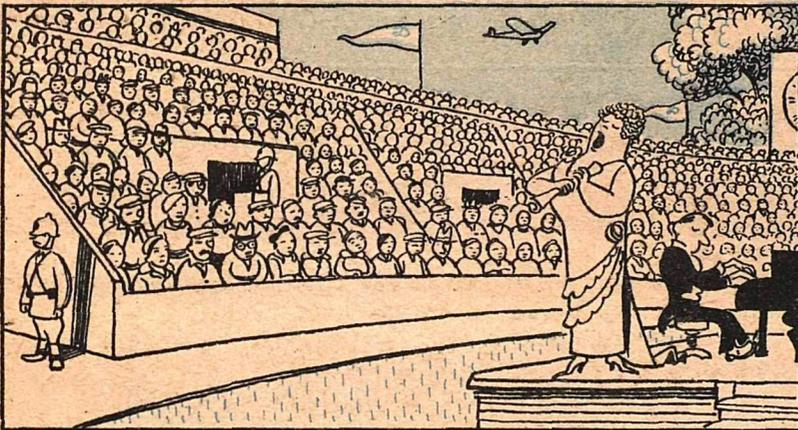
Мы наблюдаем сильную тягу к искусству среди трудящихся. Каждому хочется послушать интересного тенора или популярное — и в то же время — колоратурное сопрано. Но, к сожалению, мастера голосовых связок «очень кусаются» и не всякому трудящемуся оказываются по карману. Мы знаем случаи, когда солидные организации, месткомы и клубы шли до миру после одного только концерта со знаменитостями. Идя навстречу нашим подписчикам и розничным читателям, мы разработали несколько способов, с помощью которых можно при минимальных затратах устроить хороший концерт.

Рис. и текст Ю. Ганфа

Первый способ — заочный. На эстраду выставляется портрет знаменитого исполнителя в натуральную величину, подготовленный заранее. За портретом ставится патефон, и рупор дает возможность слушать непревзойденное среднее «до» вышеупомянутого исполнителя. Биссировать можно, пока хватит иголок.

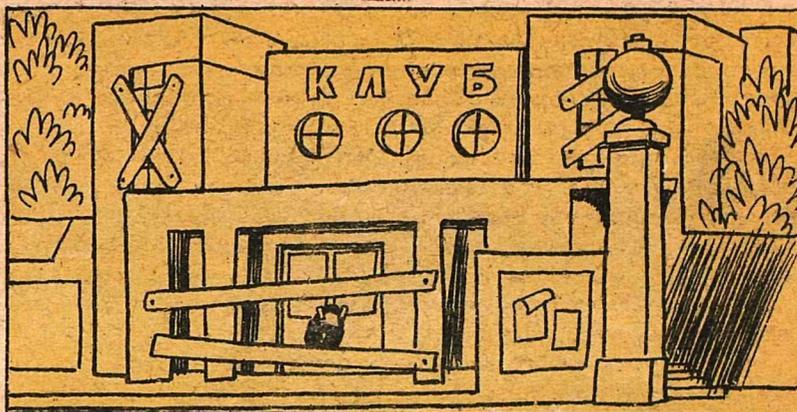
Этот способ не всегда оправдывает себя из-за того, что Грамтрест снабжает от себя всех певцов и певиц кашлем и чиханием, без каких-либо пластинок пока нет. К тому же при этом способе очень проигрывают балетные номера.

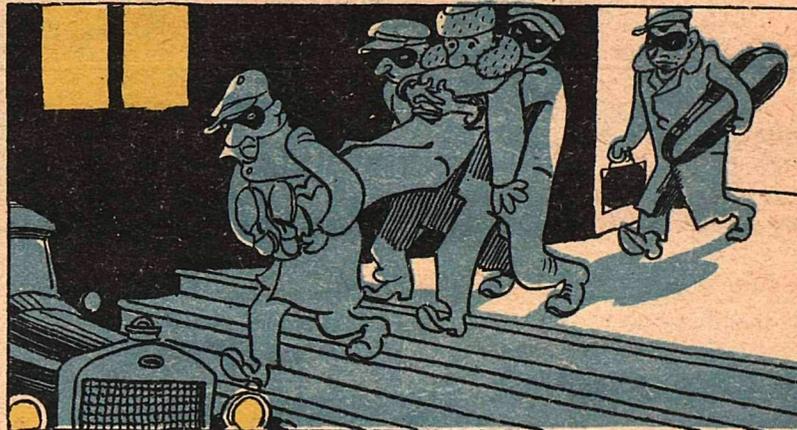
Ряд организаций и клубов может устроить концерт в складчину. Такой концерт, чтобы свести концы с концами, можно устроить на стадионе «Динамо». Недостатком этого способа является его «демисезонность». Зимой на стадион избалованного певца или куплетиста силком не затащить.

Можно организовать недорогой концерт при помощи чистой науки. Другими словами, торгуясь с исполнителем, его незаметно гипнотизируют. Специально приглашенный гипнотизер делает соответствующие пассы и шепчет: «Уступи, уступи!» Впавший в транс исполнитель, вместо того чтобы сказать «Восемьсот», вдруг непроизвольно произносит «Восемьдесят». Но и этот, казалось бы безукоризненный, способ имеет свои минусы: во-первых, хороший гипнотизер тоже «кусается», и, во-вторых, насмех загипнотизированный исполнитель может очнуться посреди своей арии и побежать в правление клуба доторговываться.

Другой способ — способ накопления средств. Нужно прежде всего высчитать, во сколько обойдется приличный концерт с участием Козловского, Хенкина и Барсовой. Затем клуб запирается на год-полтора, а деньги, отпущенные на культурную работу, откладываются в копилку, пока не соберется подходящая сумма.

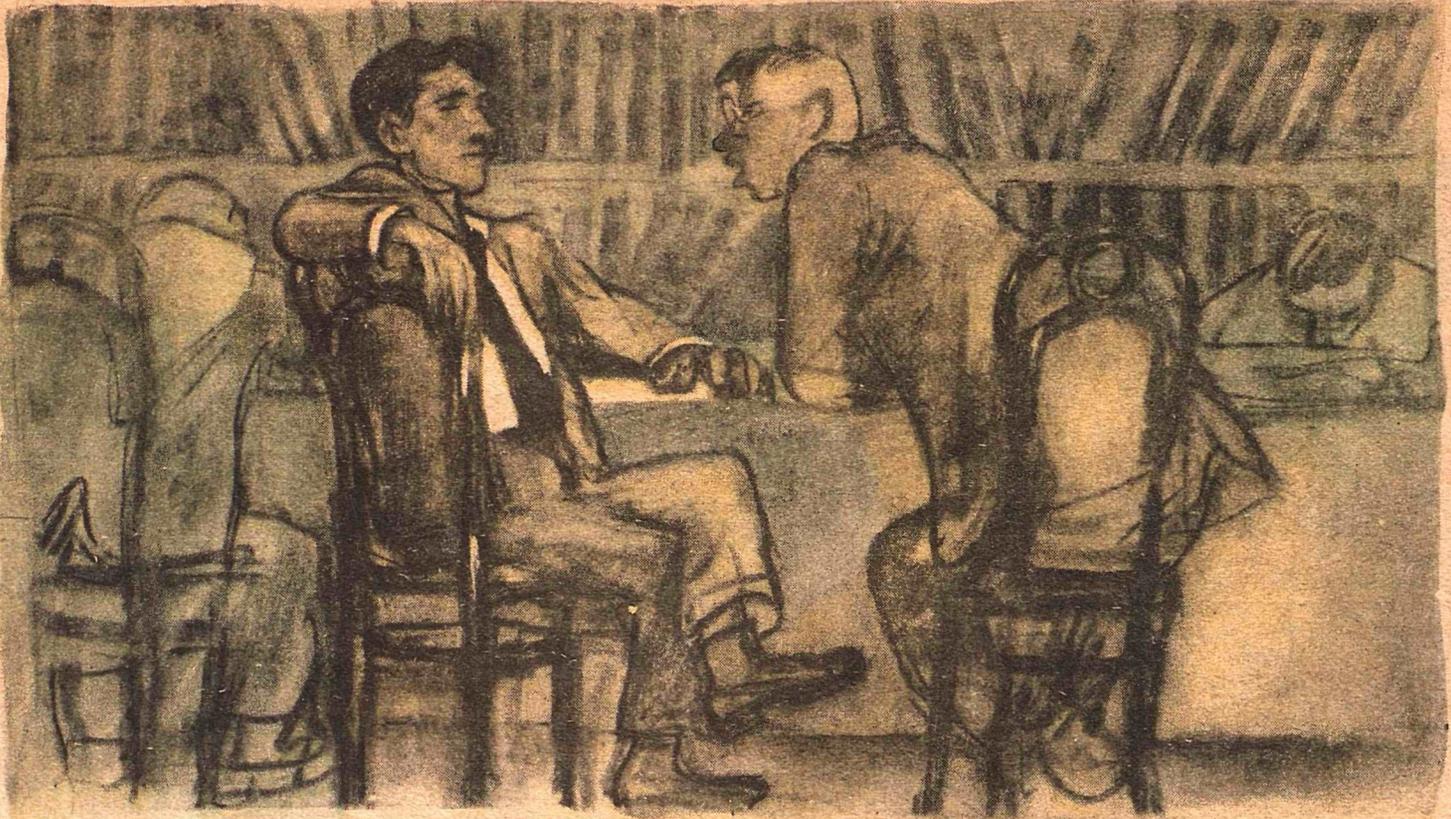

Четвертый способ — так называемый «Чикагский». Составляется список исполнителей, затем группа активистов, надев маски, просто-напросто похищает соответствующих мастеров искусств. Похищенные выступают, конечно, в порядке выкупа. Тут, однако, легко впасть в ошибку и вместо неподражаемой исполнительницы цыганских романсов впопыхах притащить ее тетю или двоюродную сестру (во время похищения не до расспросов). Впрочем, и вообще нам этот импортный способ не к лицу.

Наиболее мы рекомендуем следующий способ. Путем опроса своих сотрудников вы совершенно неожиданно для себя узнаете, что кто-то из местных работников хорошо поет, другие играют, третьи замечательно танцуют, а если вам уж очень повезет, то могут найтись исполнители Чайковского на пробке, зажатой в зубах, или даже звукоподражатели. Таким образом, концерт у нас обеспечен, успех — тоже. Кстати, мы сами решили перейти на путь самостоятельности в наших редакционных концертах. К сожалению, нам немного не повезло в этом. Выяснилось, что благодаря неудачному подбору сотрудников все только поют и, что хуже всего, — басом. Даже сотрудницы. Получается некоторое однообразие — ни тебе танца, ни тебе тенора. Ну, да как-нибудь обомнется.

Рис. М. Черемных.

— Как ты думаешь: лучше учиться в этом политкружке или преподавать?
— Пожалуй, лучше преподавать: с тебя меньше спросят.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

К БАРЬЕРУ!

В Грязовце, Северного края, есть библиотека, есть книги и есть читатели. Все нормально.

Ненормальные только, повидимому, библиотечные работники: больше месяца не производят они выдачу книг по той причине, что в библиотеке не сделан барьерчик

в решетке. Так грязовцы развлекаются в часы досуга тем, что ходят в библиотеку смотреть, как библиотекари сидят за решеткой.

«Хоть бы они вырвались на волю, — думают грязовцы, — мы бы тогда смогли книжки почитать!»

ная сценка из быта тобольских горсоветчиков.

Председатель горсовета (секретарю): Я тут подписал постановление о борьбе со злостным неплатежом квартплаты. Дайте его на машинку.

Секретарь (бодро): Машинка описана, товарищ председатель. Как раз за это самое — за неплатеж.

Председатель: Гм!.. Велите запрячь лошадь, я поеду к прокурору — снимать опись.

Секретарь: Лошадка тоже... того... описана, товарищ председатель. Придется уж пешечком.

Советуем тобольчанам вырезать скромное газетное объявление из «Тобольской правды» и бережно хранить его. К перевыборам горсовета оно может пригодиться.

ЗА РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ

«Красная газета» в номере от 16 октября поместила фотографию с подписью, которая заставляет нас бить тревогу.

Вот эта подпись:

«Руководитель лаборатории заслуженный деятель науки профессор-орденоносец Е. Н. Павловский и его ассистент выдают яд из жала змеи».

Нас беспокоит такое явно неразумное использование крупных научных сил, ибо можно сколько угодно времени давить упомянутое жало, но ни капельки яда при этом не вытечет. По той простой причине, что яда в жале никогда не бывает. Яд у змеи находится в специальных железках, о чем хорошо известно любому советскому школьнику и совершенно неизвестно журналисту, сочинившему подпись к фотографии.

СКРОМНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

14 октября жители Тобольска с легким удивлением прочитали в местной «Тобольской правде» извещение судебного исполнителя о продаже с торгов имущества Тобольского горсовета: лошади и пишущей машинки.

Легкое удивление перешло в тяжелое недоумение, когда жители узнали, что горсовет описан в связи с иском жилищного союза — за злостный неплатеж квартирной платы.

Нам рисуется такая умиль-

ВОПРОСЫ СВЯЗИ

Для обеспечения аккуратности и своевременной доставки корреспонденции отдельные граждане прибегают к отправке писем заказной или даже спешной почтой. Опыт показывает, что и такие усилия нередко остаются безрезультатными: письма засылаются или опаздывают.

Существует школа, придерживающаяся отправки писем без всяких марок. Идеологи этой школы считают, что письмо без марки должно обратить на себя особое внимание и привлечь особо бережное отношение потому якобы, что оно открывает почтовым работникам возможность причинить мелкую неприятность адресату. Такой расчет нельзя не признать мелочным: не всегда работники связи настолько ехидны, чтобы спешить с неоплаченным письмом исключительно ради удовольствия потребовать у получателя двойную плату. Нередко они бескорыстны и бросают такие письма в печку.

Новый способ предложен некоей оренбургской жительницей, Гретчиной. Идея Гретчиной заключается в том, чтобы письмо было оклеено марками на сумму 30 копеек вместо обычных 20 копеек, но чтобы марки были царского образца, лучше всего из серии «Дом Романовых» юбилейного выпуска 1913 года.

Опыт, проделанный с отправкой такого письма, оказался удачным. Письмо прошло многочисленные инстанции оренбургской конторы связи и, хотя привлекло к себе внимание работников почтового отделения на месте назначения, адресату было вручено без промедления и без доплаты.

СФИНКС В ТАШКЕНТЕ

Не так уж часто встречаются люди с мужественным, спокойным, хладнокровным характером. При встрече с таким человеком испытываешь большое моральное удовлетворение: есть, мол, еще порох в пороховницах!..

К числу людей с железным характером, несомненно, относится узбекский республиканский прокурор товарищ Шейндлин. В отделах прокуратуры по шесть—восемь месяцев лежат без движения неопубликованные газетные заметки, присланные прокурору местной «Правдой Востока» для расследования. На все запросы газеты прокуратура отвечает позорными, бюрократическими дудульками: «Результата расследования не имеем», «Ответа не получили», «Ответа нет»,— но невозмутимого Шейндлина это ничуть не беспокоит. На челе его высоко не отражается ничего. Прямо не прокурор, а египетский сфинкс.

Перефразируя Наполеона, воскликнем:

— Товарищи! Тысячи нерасследованных заметок смотрят на нас с высоты этой человеко-пирамиды!

БЕСПОЩАДНЫЙ ЛЕЙТЕС

В ночь на 2 мая текущего года в поселке Булгаково, Западной области, спасая спящих детей из горящего дома, героически погиб охотник Федотов — контрактант Заготпушнины. Он оставил после себя четырех маленьких ребят, нетрудоспособную жену и неотработанный аванс в размере 96 рублей.

Темкинский заготовительный пункт хотел списать со счета покойника эти деньги. Запросили областную контору Заготпушнины

в Смоленске, как это сделать. Заверяющий первой оперативной группой, Лейтес, деловито посоветовал:

— Вы должны подать исковое заявление на контрактанта Федотова, и если суд найдет нужным списать, то он вынесет свое решение. Если же нет, то Федотов должен полученный аванс погасить пушнинной.

«Спящий в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий»,— сказал поэт. Беспощадный Лейтес

оспаривает эту популярную и, казалось бы, бесспорную истину. Насчет живущих он еще кое-как согласен, но спящим в гробе суща не даст. Никаких мирных

спов, марш отработывать аванс натурой!

Пожалуйста, пользуйтесь жизнью, Лейтес, но не для того, чтобы подписывать глупые бумажки.

ЖЕСТОКИЕ ПРАВЫ

Мы уже писали («Крокодил» № 23 за 1936 год) о симферопольских прокурорах.

В квартиру, заброшенную за тов. Бабенко, командированным в Хабаровск, они вселили, несмотря на его протесты, своего «наследователя одинокого», как они его атестовали, по фамилии Джурбинов.

Невероятных трудностей и мытарств стоило тов. Бабенко выдворить из своей квартиры этого милого одинокого работника симферопольской юстиции. Пришлось жене тов. Бабенко приезжать для этого из Хабаровска в Симферополь и провести там в хлопотах и волоките полтора месяца. Пришлось ей даже внести квартирную плату за своего непрошеного жильца за четыре месяца. Следователь Джурбинов считает, что было бы безумием платить квартирную плату за незаконно занимаемую им квартиру.

Жена Бабенко получила новую броню на свою площадь, передала ее в правление жакта, поселила в квартире, по согласованию с жактом, своих, верных людей и уехала.

Но едва она отъехала первые пять—шесть тысяч километров от дома, как в Симферополе возник вопрос о выселении Бабенко и его близкий из квартиры и об отобрании у него жилплощади.

На сей раз, правда, обошлось без произвола и хамства: к Бабенко предъявлен судебный иск.

4 октября, в 3 часа дня, Бабенко получил в Хабаровске судебную повестку, приглашающую его явиться в тот же день, в 11 часов, на суд в Симферополь по делу о выселении из квартиры.

Если только нарсудья 4-го участка Симферополя принадлежит к той же юридической школе, что господа симферопольские прокуроры и следователь Джурбинов, то тов. Бабенко, временно брошенный на работу в Хабаровск, будет лишен квартиры.

Хамство и издевательство продолжают свое победное шествие.

ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Рис. Н. Радлова

— Как быстро год пролетел! Давно ли меня пробирали в газетах за неподготовку к зиме, ан, глядишь: снова в этом году о том же пишут.

Редактор—МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24;

Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ожеди. с 1 до 7 час.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц

Москва. Изд. № 1160

Слача текста и рисунков 15/ХП—36 г.

Подп. к печати 22/ХП—36 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—32049

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2678

Тираж 266 000

8814

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

Рис. Ю. Ганфа

29 DEC 1936

На рисунке художника Ю. Ганфа изображен трагический момент: встреча нового года в артели часовщиков „Точное время“. Страдания собравшихся не поддаются описанию. Еще бы! Момент наступления нового года уловить не мыслимо, поскольку каждые из находящихся в мастерской часов имеют насчет этого собственное мнение.